

4C05
Э 872

4C05
Э 872

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ

Литературно-Художественный
Журналъ

ЭСТЕТИКА

СОДЕРЖАНІЕ:

- В. РОЗАНЪ: „Взглядъ на Бѣлыя стѣны“
- В. СВЕРЯКЪ: „Ке рбите цѣлѣобы“: разсказъ.
- И. ТОНТРОВЪ: „Смерть безъ причины“
- Н. БАЖЕНОВЪ: „Мотылекъ и Псукъ“: басня.
- АЛ. СОКОЛЬСКІЙ: „Между берми“: разсказъ.
- Г. САЗОНОВЪ: „Кедоръ-Эбнъ Ршидъ“: поэма.
- И. МАКСИМОВЪ: „Арестантъ“: разсказъ.

1147844

СК

7кб.

Юль 1918 г.

№ 9

На ублаванъ желѣзныхъ
дорогъ и вѣ гор. Пензы
Цѣна 1 руб. 15 к.

Триолеты о Богѣ.

Душа груститъ... все ищетъ Бога...
 Не зная, какъ... куда идти...
 Какъ будто вотъ она—дорога...
 Душа груститъ... все ищетъ Бога...
 Идешь... идешь... и нѣтъ пути:
 Опять дорогъ и тропокъ много...
 Душа груститъ... все ищетъ Бога...
 Не зная, какъ... куда идти?...

Дыханьемъ Бога жизнь согрѣта...
 Вездѣ загадки на пути:
 Все можетъ тлѣть и все цвѣсти!
 Дыханьемъ Бога жизнь согрѣта...
 Но нѣтъ, все нѣтъ душѣ отвѣта,
 И тайну тайнъ ей не найти...
 Дыханьемъ Бога жизнь согрѣта...
 Вездѣ загадки на пути...

Уставъ блуждать въ исканьяхъ Бога,
 Склонился я... и замолчалъ...
 День каждый скорбью я встрѣчалъ,
 Уставъ блуждать въ исканьяхъ Бога...
 Въ душѣ сокровищъ такъ немного,—
 Безумно ихъ я расточалъ...
 Уставъ блуждать въ исканьяхъ Бога,
 Склонился я... и замолчалъ...

И сердцу вдругъ понятно стало,
 Какъ близокъ Богъ... и какъ далекъ!
 Какъ путь къ Нему всегда широкъ!...
 И сердцу вдругъ понятно стало,
 Что искра Бога въ немъ мерцала,
 Что Богъ несложенъ, но глубокъ!
 И сердцу вдругъ понятно стало,
 Какъ близокъ Богъ... и какъ далекъ!

Такъ что же Богъ? Богъ—Красота,
 Вездѣ, вездѣ во всемъ прекрасномъ!
 Въ цвѣтахъ земныхъ и въ небѣ ясномъ!
 Такъ что же Богъ? Богъ—Красота!
 Въ мерцаньи звѣздъ и въ солнцѣ властномъ!
 И Богъ—Любовь, и Богъ—мечта!
 Такъ что же Богъ? Богъ—Красота,
 Вездѣ, вездѣ во всемъ прекрасномъ!

Владимиръ Розановъ.

НЕ РВИТЕ ЦВѢТОВЪ.

Не рвите цвѣтовъ. Они живые. Дышутъ они. Красненькіе, голубенькіе, золотые, серебристые, мечтательно-кремовые, пьяно-лиловые доврчивымъ взглядомъ газели смотряють они Вамъ въ глаза, въ сердце, въ душу, Вашу душу, которой Вы такъ гордитесь. Не дрогнетъ ли рука Ваша загубить молодую жизнь? Цѣлую жизнь? Сказочную жизнь? Затушить пламя радости маленького счастья?...

Не рвите цвѣтовъ.

Гордостью приволжскаго городка Симбирска считается Карамзинскій садъ. Какъ любилъ, бывало, я заходить въ это милое уютное гнѣздышко цвѣтовъ! Сядешь гдѣ-нибудь подъ кустомъ сирени и цѣлыми часами смотришь, какъ забавляется дѣтвора. Сверкають удовольствиемъ ихъ разноцвѣтные глазенки... Визгъ, крикъ, гамъ... Ну, что за прелесть, напримѣръ, вотъ этотъ синеглазый бутузъ въ турецкой ермолкѣ съ кистью на остроконечной болтающейся верхушкѣ. Скептикъ, должно быть, ужаснѣйшій. Не присоединяется къ шумливой ватагѣ. Сидитъ себѣ одинъ, зарывшись по поясъ въ песокъ. Сейчас онъ съ пресерьезнѣйшимъ видомъ глубокаго мыслителя насыпаетъ себѣ за воротникъ этотъ песокъ и исподлобья поглядываетъ въ сторону счастливыхъ товарищей. Подойти хочется—боязно: а вдругъ не примутъ... Но ватага никакъ замѣчаетъ скептика... Подхватываетъ его... Смотришь, онъ уже несется вдвоемъ съ чернскудрявой дѣвочкой.

— „Вась какъ зовугъ?“—спрашиваетъ раскраснѣвшаяся дѣвочка.

— „Юрой, а тебя?“

— „Меня—Люсей“.

И оба довольные, взвизгивая и подпрыгивая, догоняють товарищей.

Помнится, какъ то играли два карапуза. Одинъ черный, какъ цыганенокъ, другой бѣлокурый, съ лянными волосенками.

Цыганенокъ, воспользовавшись дремотой сторожа, подбѣгаетъ къ цвѣтамъ и быстро, по-воровски, срываетъ пунцовый георгинъ.

— „Что ты дѣлаешь?“ вскрикиваетъ въ ужасѣ бѣлокурый.

— „Развѣ тебѣ не говорили, что здѣсь нельзя рвать цвѣтовъ?“

Нисколько не теряясь, цыганенокъ, таинственно кивая головой на сторожа, что-то торопливо шепчетъ бѣлокурому.

— „А развѣ тебѣ не говорила мама, что обманывать грѣхъ?“, укоризненнымъ шопотомъ не соглашается допросчикъ. Цыганенокъ краснѣетъ.

— „А развѣ тебѣ не говорила мама, что цвѣтамъ больно, когда ихъ рвутъ?“ Снова допытывается бѣлокурый.

— „Нѣтъ“, открыто заявляетъ товарищъ.

— „Мама, мама!“ закричалъ вдругъ бѣлокурый, и схвативъ товарища за рукавъ рубшенки, тащитъ его къ бѣлокурый полной дамѣ, что сидитъ съ какимъ-то руководльемъ въ тѣни сирени.

— „Ты что, милый?“ обращается къ мальчику мать.

— „Вотъ онъ говоритъ, мама, цвѣтамъ не больно, если ихъ рвать... Вѣдь это неправда, мама? да? неправда?“

— „Мнѣ про цвѣты не говорили“, угрюмо бурчитъ цыганенокъ, исподлобья поглядывая на товарища.

Дама ласково смотритъ на него.

— „Твоя мама забыла тебѣ это сказать, а это—правда—цвѣтамъ очень больно, когда ихъ рвутъ. Ты видишь, какой сталъ грустный георгинъ; а вечеромъ онъ умретъ“.

— „Развѣ можно дѣлать больно?“ накидывается на черняваго бѣлокурый: „если я тебѣ сдѣлаю больно, ты вѣдь заплачешь, ну, да, заплачешь?“

Цыганенокъ смываетъ носомъ и собирается взревѣть.

Не знаю, о чемъ ужъ ему шептала дама, только скоро друзья, взявшись за руки, съ просвѣтленными личками, помчались къ сторожу. Разбудили его и оба одновременно стали просить прощенія, а бѣлокурый совалъ въ закорузлую руку серебряный и упрашивалъ посадить точь-въ-точь такой же георгинъ. Изумленный отставной николаевецъ, понявъ въ чемъ дѣло, расплылся въ широкую улыбку и успокоилъ друзей, давъ слово посадить георгинъ, взаменъ чего потребовалъ обѣщаніе никогда не рвать цвѣтовъ.

Скоро инцидентъ былъ забытъ, и друзья съ удвоеннымъ рвеніемъ возились въ песокъ...

Довѣрчивымъ взглядомъ газели смотрятъ они Вамъ въ глаза, въ сердце, душу, которой Вы такъ гордитесь.

Не рвите цвѣтовъ, господа...

Не губите дѣтей.

Хрупкіе, нѣжные златоволосые, чернокудрые съ глазенками разноцвѣтными—они цвѣтутъ...

Не дрогнетъ ли сердце Ваше зугубить жизнь? Цѣлую жизнь? Сказочную жизнь?...

Не рвите, не рвите цвѣтовъ.

9. Сѣверякъ.

Смерть безъ причины.

(патологическій этюдъ)

Разсказъ.

Мой дядя, докторъ медицины, завѣдующій психіатрическимъ отдѣленіемъ №-ской губернской больницы, задумалъ однажды показать мнѣ „своихъ пациентовъ“. Рѣшеніе дяди для меня было совсѣмъ неожиданнымъ, тѣмъ болѣе, что въ разговорахъ съ нимъ я никогда не касался его „пациентовъ“. Чѣмъ объяснить это—я не знаю, но только, когда дядя въ одинъ изъ праздничныхъ дней, плотно пообедавши, взялъ въ руку шляпу и сказалъ: „ну, племята, двинемся въ больницу“,—я почувствовалъ, что у него, дѣйствительно, являюся „пациенты“.

Воображеніе мое заработало. Предо мною открылся цѣлый міръ, міръ отверженныхъ людей. Я напрягалъ мысль, поскольку это возможно, чтобы отгадать загадку природы—сумасшествіе человѣка. Загадка тѣмъ болѣе казалась мнѣ страшной и таинственной, что умалшенныхъ мало когда излѣчивали. Если съ такимъ народнымъ бѣдствіемъ, какъ холера, оспа, сифилисъ и т. п. человѣчество иногда успѣшно борется, то въ борьбѣ съ сумасшествіемъ людей оно имѣетъ мало трофеевъ...

Черезъ полчаса ходьбы мы были уже съ дядей въ больницу. Намъ предстояло осмотрѣть только общую палату, гдѣ находились „тихіе“ душевнобольные; отдѣленіе же „буйныхъ“ дядя не отважился показать мнѣ, несмотря на всѣ мои просьбы.

Первое, что мнѣ бросилось въ глаза въ палатѣ, которая, раздѣлялась корридормъ на двѣ половинны: мужскую и жен-

скую,—это преобладаніе демократическаго элемента среди больныхъ. Тутъ я убѣдился, что наши деревни, которыя считаются многими оптимистами самыми здоровыми мѣстами (по составу населенія), даютъ большой процентъ больныхъ, особенно женщинъ.

Мы шли медленно. Дядя то и дѣло останавливался. Онъ то протягивалъ съ улыбкой руку встрѣчному больному, то кивалъ головой въ сторону и проносилъ слова привѣтствія.

Среди буйныхъ больныхъ, одѣтыхъ въ однообразные сѣрые халаты, мы выглядѣли какими-то особенными существами. Мнѣ казалось, что мы попали не въ больницу, а въ помѣщеніе какого-нибудь средневѣковаго монашескаго ордена. Здѣсь не было той мертвящей тишины, какая бываетъ въ больницѣ, гдѣ есть умирающій. На лицахъ большинства больныхъ не видно было ни надежды, какъ это замѣчается у умирающаго, ни порыва отчаянія и страшной муки, что бываетъ съ тяжело больными. Какая-то сосредоточенность и созерцательность,—вотъ что можно было прочесть у нихъ на лицахъ. И если каждому изъ нихъ дать въ руки молитвенникъ, на головѣ выстричь тонзуру, то, пожалуй, мало чѣмъ можно было бы отличить ихъ отъ католическихъ монаховъ. Только нѣсколько больныхъ своимъ смѣхомъ и несомкнутаымъ разговоромъ нарушали картину монашеской обстановки палаты...

— Вотъ интересный больной,—сказалъ мнѣ на ухо дядя и указалъ рукой на молодого чѣловѣка:—я познаюмаю тебя съ нимъ, онъ тоже студентъ.

Дядя учтиво поклонился больному и представилъ ему меня. Тотъ бѣгло окинулъ меня глазами и сухо, указывая на свою койку, сказалъ:

— Если нужно—садитесь.

Въ его голосѣ слышалась независимость и небрежность къ другимъ. Я неуверенно сѣлъ на краешекъ койки и принялся разсматривать новаго знакомаго.

Меня поражалъ его большой (боборыквинскій) добъ, подъ которымъ, въ глубокихъ впадинахъ, помѣщались сѣрые умные глаза съ длинными рѣсницами. Говорятъ, что лицо есть зеркало души чѣловѣка, но сколько я ни старался глядѣть въ лицо больному, я ничего не нашелъ въ немъ ненормальнаго. Правда, оно было малокровно и легкій румянецъ на впаляхъ щекахъ, можетъ быть, свидѣтельствовалъ о грядущемъ злѣишемъ недугѣ-чахоткѣ. Но эти признаки чисто физической болѣзни еще ничего не говорили за психическое разстройство больного.

— Вы чтоже постузили къ намъ сюда?—спросилъ меня больной и сѣлъ рядомъ со мной на табуретъ. Сутуловатая спина его согнулась,—казалось, что голова касалась затылкомъ туловища.

— Нѣтъ, я пришелъ сюда такъ себѣ.

— Такъ себѣ... Это мнѣ нравится.

Онъ усмѣхнулся углами безкровныхъ губъ. А потомъ, помолчавъ минуту, продолжалъ:

— Какъ все-таки на бѣломъ свѣтѣ все творится странно...

Слова носяждовала пауза.

— Вотъ вы говорите „такъ себѣ“, многіе этого не могутъ переваривать... Ха, ха, ха!—совсѣмъ неожиданно засмѣялся больной.

Смѣхъ его былъ отрывистъ и сухъ, что то жуткое слышалось въ немъ. Лицо больного сразу измѣнилось; лучистые глаза потемнѣли, ихъ зрачки расширились, а бѣлки по краямъ сдѣлались красными. На лбу появилась толстая синяя жила, что свидѣтельствовало о напряженіи. Для меня стало ясно, что предо мною, дѣйствительно, находится ненормальный чѣловѣкъ.

1.144844

— Вы только подумайте... только подумайте!.. — вскакивая съ табурета, произнесъ онъ съ пафосомъ, и его поблекшіе мутные глаза уставились на газетухъ моей сорочки. Такъ онъ простоялъ нѣсколько минутъ. И напрягалъ все свое вниманіе, чтобы узнать, что творится въ его мысляхъ.

— Нѣтъ... нѣтъ, этого не можетъ быть...

Онъ снова сѣлъ на табуретъ, глаза его не покидали газетуха. Поднявъ правую руку, онъ дидактическимъ тономъ началъ:

— Мнѣ всегда кажется отвратительнымъ, когда говорятъ, что каждое явленіе должно имѣть причину. Какъ должно быть жалко тогда человечество. Тогда мы должны въ искусствѣ и наукѣ отвергнуть актъ творчества. Развѣ, положимъ, произведенія Пушкина могутъ быть счмобытными и оригинальными, когда они въ своемъ появленіи на свѣтъ обусловлены цѣлымъ рядомъ причинъ, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ? Оригинальное тѣмъ и отличается отъ повседневнаго и обыденнаго, что не имѣетъ причинной связи съ другими явленіями. Если вы изобрѣтете лампу, которая будетъ свѣтить въ это разѣ силой моей, то это не будетъ оригинально, другое дѣло, если свѣтъ вашей лампы не будетъ походить на свѣтъ моей. Но вѣдь тутъ, скажете вы, всетаки не устранена причина, почему-нибудь да свѣтитъ ваша лампа на еще желтымъ огнемъ. Но я скажу вамъ, что я перешелъ этотъ свѣтлый Рубиконъ... перешелъ... (большой погрозился на меня пальцемъ) Люди глухи. . Они очень и очень рѣдко переходятъ его и то только въ своихъ сказаніяхъ и мнѣяхъ. Навѣстнаго, что библейскій Богъ изъ ничего сотворилъ видимый міръ и это „изъ ничего“ и есть отсутствіе всякой причинной связи. Но, повторяю, люди глухи. Разъ они допустили нарушение причинной связи, то почему оно не можетъ повториться другой разъ, третій и т. д.? Правда, это касается мнѣозвъ, но вѣдь и въ дѣйствительности должно быть такъ. Мы привыкли думать, что каждая вещь, каждое явленіе имѣетъ начало и конецъ; почему же нѣтъ начала и конца причинамъ? Вѣдь каждая вещь и каждое явленіе есть въ то же время и причина... Знаю, знаю, что вы хотите мнѣ сказать, знаю!.. (большой опять погрозился на меня пальцемъ) Вы хотите сказать, что я верчусь какъ бѣлка въ колесѣ, дѣлая логическій кругъ и противорѣчу себѣ?..

Большой наклонился ко мнѣ и сталъ шептать порывисто и страстно прямо въ ухо. Я чувствовалъ, какъ его жидкая борода неприятно щекотала мою щеку.

— Когда я говорилъ людямъ, что не признаю никакихъ причинъ, а только одни явленія, то надо мной смѣялись. Когда же я просилъ указать мнѣ начало началъ и конецъ концовъ, то ученые становились предо мной въ красивую позу и начинали декламировать изрѣченія различныхъ философовъ, люди религіи шептали молитвы и указывали мнѣ на небо, а простые смертные ругали меня за чѣмъ свѣтъ стоитъ. Казалось, что могло бы быть лучше и благороднѣе для нихъ — это сказать мнѣ, что мы, дескать, объ этомъ ничего не знаемъ. Но человекъ — животное хитрое. Онъ хорошо сознавалъ, что я сейчасъ же умышленно спрошу его: а какъ же ты говоришь, что каждое явленіе имѣетъ свою причину? Конечно, онъ незамедлялъ бы сказать — да. Тутъ то я бы его и словилъ: ну, а первопричина въ чѣмъ имѣетъ причину своего существованія? Вотъ почему человекъ старается отдѣлаться отъ этого вопроса или декламацией или молитвеннымъ шепотомъ, а то и просто руготней. Но этого мало, человекъ не только хитрое животное, но и практичное. Причина ему нужна вездѣ и всюду. Убилъ, скажемъ, онъ себѣ подобнаго, его спрашиваютъ: зачѣмъ это ты сдѣлалъ? Онъ немедленно отвѣчаетъ: у меня на это имѣется причина, онъ укралъ мое имущество.

И чувствуетъ себя спокойнымъ. Но если теперь отъ этого факта пойди дальше и спросить того, кто укралъ имущество, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ? Тотъ сказалъ бы, что его понудилъ къ этому голодъ. А почему ты голодалъ? Потому что не уродился хлѣбъ. А почему не уродился хлѣбъ? Потому что не было дождя и т. д. Скажите, гдѣ здѣсь причина и по какому праву совершился убійство? Скорѣе это цѣпь явленій, гдѣ широкое поле для произвола. Вѣдь голодный могъ украсть имущество и другого человека. Выборъ былъ случайный, какъ и все на свѣтѣ случайно. Но это между прочимъ... Вы подозреваете меня въ противорѣчьи и въ допустимости моей логического круга? Напрасно. Я не люблю кривыхъ линій. Девизъ мой — прямолинейность. Человѣчество движется по прямой линіи; назадъ или впередъ — это другой вопросъ. Какъ прямая линія состоитъ изъ цѣлага ряда точекъ, которыя каждая изрознь являются чѣмъ то цѣлымъ и независимымъ, такъ точно и прямая человечества состоитъ изъ цѣлага ряда самостоятельныхъ явленій. Какъ въ прямой линіи между точками нѣтъ никакой зависимости, кромѣ зависимости пространственной, такъ и между явленіями нашей жизни нѣтъ никакой зависимости, кромѣ хронологической. Пусть кто докажетъ мнѣ противное... Скажите, гдѣ же тутъ свобода, если вы свои дѣйствія должны собразовать съ обстоятельствами, если вы будете думать, что каждый вашъ шагъ обусловленъ какими то причинами? Нѣтъ, это — рабство, съ которымъ не могло равняться рабство античнаго міра. Тамъ угнетали только тѣло, что, правда, убійственно отзывалось на душѣ. А здѣсь... здѣсь гнетутъ самую душу.

Большой всталъ и принялъ вызывающую позу. Глаза еще больше налились кровью и стеклянный видъ ихъ казался безумнымъ.

— Я гордъ и независимъ, — продолжалъ большой, почти что крича: — я никому ни въ чѣмъ не обязанъ. Я появляюсь на свѣтъ случайно и уйду изъ него случайно, безъ всякихъ причинъ. Я родился въ сентябрѣ, но могъ родиться и въ декабрѣ, а то и совсѣмъ не родиться. Это зависѣло отъ прихоти родителей и ни отъ кого больше. Причинъ нѣтъ, ихъ выдумали люди для того, чтобы удобнѣе было имъ убивать, обманывать, обпрадывать, лгать и т. д. И они, какъ черви въ навозѣ, копаются въ причинахъ. Въ этомъ случаѣ древній грекъ куда умнѣе современнаго человека: онъ виѣсто причинъ всегда ставилъ фатумъ... Я презираю людей, эгоихъ подлыхъ, низкихъ рабовъ, которые сами падѣваютъ на себя цѣпи! Я докажу имъ, что ихъ творчество есть увеличеніе въ количествѣ, а не въ качествѣ! (Большой начинаетъ волноваться, голова откинувшись назадъ, онъ ударяетъ кулаками въ грудь). Только я одинъ свободенъ, в моей свободѣ — нѣтъ причинъ. Я могу сдѣлать то, что только пожелаю и могу помыслить обо всемъ, о чѣмъ только захочу! Въ моихъ дѣлахъ и мысляхъ нѣтъ причинныхъ зависимостей... Понимаете — нѣтъ!.. Прочь шутовскія причины!.. Вамъ нѣтъ мѣста на землѣ, гдѣ живетъ человекъ, воля котораго должна быть свободна, Згнать, проклятый призракъ! Ты самый спящий идѣ для мысли человека. Ты тотъ чудовищный левіофанъ, съ которымъ не смѣетъ бороться человекъ! Но я... я брошу тебѣ вызовъ в еще вопросъ, кто побѣдитъ: ты или я!!

Прокричавъ послѣднія слова, большой какъ-то безпорядочно махнулъ руками и безшумно опустился на полъ. Съ нимъ произошелъ глубокой обморокъ. Его полузакрытые глаза сверкали бѣлками, а изъ вздрагивающаго рта вылетали хрипы. Откуда-то появился дядя, который съ большичными сторожами сталъ суетиться около больного. Находу онъ пожурилъ меня за то, что я такъ долго докучалъ больному и попросилъ меня уйти изъ палаты.

Через два дня я уѣхалъ отъ яды въ Москву, а черезъ недѣлю получилъ отъ него письмо, гдѣ онъ между прочимъ сообщалъ, что мой знакомый душевно больной студентъ Ю. повѣсилъ въ отхожемъ мѣстѣ на шелковомъ поясѣ. Въ правой рукѣ у него была заката записка, гдѣ усмѣхъ было написано: „Умираю безъ всякой причины“.

Ив. Тонитровъ.

Мотылекъ и Паукъ.

БАСНЯ.

Безпечный Мотылекъ въ тенета залетѣлъ
И плакалъ жалобно, взывая о свободѣ.
Онъ такъ хотѣлъ пожить, хотя бы мигъ
хотѣлъ
Порѣзвиться еще въ чарующей природѣ!
Теперь конецъ ему, конецъ и море мукъ...
Едва-ли пощадитъ прожорливый Паукъ!..
—Пусти меня, пусти,—молился Мотылекъ,
Блестя на солнышкѣ хрустальными крылами,—
Пусти порѣзвиться въ цвѣточномъ фиміамѣ...
Ты знаешь мнѣ и такъ часъ смерти недалекъ!
—Сначала расскажи,—ворчитъ Паукъ,—какую
Ты въ жизни цѣль имѣлъ, гуманную или злую?
И пользу для себя какую ты извлечъ?
—Что?.. Пользу? Для себя? Нѣтъ цѣль моя не эта..
Да цѣли вовсе нѣтъ.. Я просто мирно жилъ,
Любилъ рѣзвиться въ морѣ свѣта,
Который Богъ для міра подарилъ;
Любилъ смотрѣть на травку половую.
На темно розовый закатъ...
На дикій лѣсъ, на струйку голубую
Всегда смотрѣть я былъ такъ радъ!..
И всякій звѣрь встрѣчалъ меня съ привѣтомъ...
Вѣдь жизнь безъ злобы злоба!..
И въ сердцѣ звѣря, не согрѣтомъ.
Какъ льдина, таяла душа...
И я такъ радъ бывалъ тому, что въ звѣрѣхъ
Молчало зло и не бурлила кровь.
Что даже въ немъ, хоть, можетъ, въ малой
мѣрѣ,
Тайтся миръ, и кротость, и любовь!..
—И только то!—воскликнуть съ раздраженьемъ
Нахмуренный Паукъ,—какой позоръ и срамъ!..
А знаешь ли ты, франтъ, что этимъ поведеньемъ
Ты жить мѣшаешь..... Паукамъ!?

Н. Баженовъ.

МЕЖДУ БОЯМИ.

Вступленіе къ циклу рассказовъ.

Скажите, читатель,—

Видали Вы алая пятна крови, не заячьей крови на снѣгу... изорванную шинель съ красно-бурыми разводами, старую фуражку, полную замерзшей каша.—красно-сѣраго тѣста съ костями?

Встрѣчали у дороги, въ канавѣ, близъ неглубокой ямки одиноко лежащія ноги, въ красныхъ рейтузахъ и шегольскихъ саногачъ, но безъ туловища?

Не приходилось-ли Вамъ входить вечеркомъ, разсѣянно пошвыстывая, въ уютную землянку стараго товарища и кричать, видя его вѣстового, нелѣпо вдавленнаго въ расщепленную стойку, съ плоской головой и перекрученнымъ туловищемъ; видя сѣрыя комочки и ниточки на стѣнахъ, какъ будто пятнистыхъ; видя поставленную на бокъ кровать и нелопитый стаканъ чая на разбитомъ блюдиѣ и не видя только своего товарища, который любилъ, лежа въ кровати пить чай, когда кровать стояла еще какъ слѣдуетъ?..

Случалось ли Вамъ бѣжать по окопу, надѣвая на ходу маску, и, споткнувшись, падать на хорошо знакомый, большой животъ вашего батальоннаго командира, теперь странно выпуклый?

Помните ли Вы сѣрый денекъ и сѣрыя лица солдатъ, срывающихъ корявыми руками тощія папахи и истоиво крестящихся, и повторяющихъ за блѣднымъ поручикомъ: „съ Богомъ... съ Богомъ...“ и вырывающихся изъ узкой канавы за нимъ, за блѣднымъ поручикомъ съ наскоро забинтованной рукой... Помните?

Слышали ли Вы, лежа въ травѣ, не въ состояніи подняться, лежа уже три часа,—слышали гдѣ-то близко, около, тонкій неприятный визгъ, не заячій—визгъ, но похожій на заячій: стонъ раненаго?..

Скажите, знакомо Вамъ это?

Если нѣтъ—слава Богу. Это тяжело видѣть, слышать, тяжело вспоминать...

А если знакомо,—я радъ я все-таки радъ вспомнить мое наше прошлое... такое далекое теперь.

Но лучше не вызывать этихъ картинъ, безъ того ярко стоящихъ передъ глазами. Вѣдь мы не только эти картины тамъ видѣли... Иначе мы бы устали смотрѣть...

А вѣдь мы не устали... или не отъ нихъ устали...

Представьте себѣ того блѣднаго поручика съ перевязанной рукой (кажется, его фамилія Моловъ)—представьте себѣ его въ резервѣ, на отдыхѣ, заполняющаго время чтеніемъ, водкой, картами, бесѣдой съ солдатами—чѣмъ попало.

И поймите, постарайтесь понять его психологію: вѣдь не могъ же онъ три года подрядъ—днемъ и ночью—размахивать обнаженной шашкой; да и не нужно было этого никому. А Молову нужно было забыть часто видимыя пятна крови, часто слышимый визгъ раненыхъ.

Нужно было не только разминаться, встряхиваться физически, но и утомлять, притуплять свои нервы: нужно было стать толстокожимъ.

Моловъ и старался по-своему заполнить досуги резерва и долгихъ окопныхъ бдѣній—между боями. По-своему: чтеніе, солдаты, часто карты и водка.

Только? Пожалуй—только; почти только.. Да кто-же и осудить это, только? Во всякомъ случаѣ, не тѣ, которые повторяли за нимъ „съ Богомъ... съ Богомъ...“, не тѣ, кому онъ отдавалъ свое время, свою дружбу, свою жизнь...

А остальные могутъ смотрѣть на быль его досуговъ, какъ на пошлый или забавный анекдотъ; какъ на проявленія неврастенія (вѣдь и офицеръ можетъ быть неврастенникомъ); или, наконецъ, просто—какъ на быль: быль досуговъ забытаго офицера.

„Каждый веселится по-своему“, говаривалъ Моловъ... Миѣ жалко было его, когда онъ такъ говорилъ...

Ал. Соколовскій.

1.

Послѣ развѣдки.

Моловъ проснулся поздно, около 12. Телефонъ гудѣлъ почти не переставая. Вставать не хотѣлось, поэтому дѣлалъ видъ, что спитъ. Однако, телефонистъ замѣтилъ уловку и громко доложилъ:—Ваше благородіе, Васъ со штабу вызываютъ, вотъ ужъ сколько разъ просили.

— Кто?

— Ихъ благородіе, поручикъ Рейма, господинъ адъютантъ.—

— Знаю, что господинъ адъютантъ. Вызывай.

...Таа, та-та (гудокъ телефона).

— Батальоны! Батальоны?.. Не тебя... (Таа, та-та) Батальоны?.. Колька?.. Здравствуй.. Колька, слушаешь?.. Доложь тамъ въ штабъ: ихъ благородіе командирь... ихъ благородіе командирь 3-ей роты проснулись... Да... скорѣя... Передавай трубку... Да... я тоже...—

— Я слушаю, поручикъ Моловъ.

— Какъ спалъ Ваня? Одѣвайся и гони сюда: шефъ жаждетъ тебя поздравить.—

— Для этого я не приду—можешь передать ему.

— Что за глупости.. Ну, такъ приходи, чтобы лично доложить о результатѣ развѣдки, произведенной...—

— Ладно; сейчасъ.

— Ванька... Подожди... возьми свою схему и полевую книжку... и скажи Навлику, что приедешь только къ ночи, раньше не выпустимъ. Пусть распорядится вочными работами; а ты у насъ посиди...—

— Ну, ужъ нѣтъ!—

— Ну, ужъ да! командирь уѣдетъ въ штабъ дивизіи, такъ что будемъ, какъ дома... Лидичскій изъ Москвы вернулся, привезъ, знаешь-все такое... Такъ не забудь Тюрину сказать насчетъ работъ.—Работами я уже распорядился: ничего сегодня дѣлать не будемъ... надо отдыхъ дать послѣ вчерашняго-такъ и командиру скажи; а съ саперомъ я еще вчера столковался. Всего хорошаго.

— Разрѣшите войти, г-нъ полковникъ?

— Ээ, Входите, дорогой мой, входите... Здравствуйте..

— Здравія желаю, г-нъ полковникъ.—

— Ээ, садитесь... вотъ здѣсь... ээ, сейчасъ... Антонъ! Чаю еще стаканъ.—

— Благодарю Васъ, я...

— Нѣтъ ужъ, ээ—пожалуйста. Рассказывайте, дорогой... ээ, надѣюсь не сердитесь теперь на меня? ээ, вотъ я и правъ оказался: я говорилъ, что будетъ удача... ээ, такъ пожалуйста, голубчикъ.. ээ, по порядку...—

— Согласно боевого приказа отъ 17 августа, за № 105, и устного приказанія, переданнаго Вами черезъ поручика Шведова,—вчера, къ 22-мъ часамъ, командуемая мною рота, въ составѣ 3-хъ офицеровъ, одного подпрапорщика и 152-хъ нижнихъ чиновъ, при двухъ пулеметахъ, заняла исходное положеніе. Въ 22 часа 20 минутъ развѣдчики подъ командой прапорщика Лишнѣго заняли прямую канаву, что сѣвернѣе отмѣтки 90,5. Въ 22 часа 30 минутъ 1-ая полурота подъ моей командой, двигаясь двумя цѣпями, подошла къ проволочкѣ противника противъ Большого Мыса и начала прорѣзываніе проходовъ. Подпоручикъ Тюринъ, командуя...—

— Ээ, хорошо, очень хорошо.. не такъ скоро: я... ээ, хочу слѣдить по схемѣ, ээ.. продолжайте.—

— Подпоручикъ Тюринъ, командуя 4-мъ взводомъ, въ 22 часа 30 минутъ прошелъ Мокрый Лугъ и залегъ въ частыхъ кустахъ,—вотъ здѣсь. Прапорщикъ Игнатовъ съ 3-мъ взводомъ и 2-мя пулеметами остался въ окопѣ 2-ой заставы—согласно полученной отъ Васъ инструкции. Въ 22 ч. 40 мин...

...Пулеметъ и плѣнные сданы командиру 3-го батальона. Ракетница, шитъ и шесть винтовокъ находятся у меня. Потери: во взводѣ развѣдчиковъ—двое ранено; въ моей ротѣ легко раненъ я и контуженъ Тюринъ, убитъ подпрапорщикъ Лучкинъ и 6 нижнихъ чиновъ; ранено—32 человѣка, изъ нихъ 4 остались въ строю. Наиболѣе отличившимися считаю: подпоручика Павла Тюрина, сумѣвшаго сохранить взводъ,

будучи отрѣзаннымъ болотоми и заградительнымъ огнемъ отъ своихъ... и унтеръ-офицера Цинскаго, взявшаго пулеметъ и умершаго отъ штыковой раны. Тѣла пятерыхъ убитыхъ сданы мною въ околотокъ. Тѣла Лучкина и ефрейтора Павлова лежатъ близъ кирпичнаго сарая, что сѣвернѣе 2-й заставы; сегодня я ихъ принесу.. съ какими потерями—доложу завтра. Вчера я не вынесъ ихъ, такъ какъ узналъ, что они оставлены,—поздно.

Все остальное я изложилъ въ моемъ донесеніи № 265 посланномъ въ 1 час. 55 минутъ, сегодня.

Все это Моловъ обдумалъ заранѣе и выпалилъ, стоя въ официальной позѣ, которую принялъ въ началѣ доклада лишь изрѣдка нагибаясь надъ схемой, и, какъ будто, не замѣчая неоднократныхъ попытокъ полковника прервать его, не замѣчая неоднократныхъ знаковъ—сѣсть.

— Ээ, прекрасно... прекрасно.. Вы видите, все удалось какъ нельзя лучше, ээ... какъ нельзя лучше... А Васъ царпнуло—второй разъ въ чинѣ поручика? ээ, представимъ въ штабъ-капитаны. Послушайте, везетъ Вамъ: сразу-ээ, чинъ и Георгіевское оружіе... я говорилъ, что все хорошо будетъ: мой планъ долженъ былъ удался.

— Я согласенъ, г-нъ полковникъ, что нашъ планъ хорошо разработанъ, но потерять больше сорока солдатъ, чтобы взять въ плѣнъ двухъ и захватить никому ненужный пулеметъ!.. по моему это слишкомъ большая цѣна. Простите мою смѣлость, но эти плѣнные не такъ нужны штабу дивизіи, какъ мнѣ былъ нуженъ Лучкинъ,—даже если смотрѣть на это глубже, чѣмъ я смотрю, съ точки зрѣнія общей пользы... какъ Вы смотрите. И я позволю себѣ напомнить Вамъ, что я также говорилъ объ этомъ еще до развѣдки, еще когда только получилъ приказаніе сорганизовать ее... Разрѣшите ити, г-нъ полковникъ?—

— Ээ, куда же Вы? допейте чай. Поѣдьте голубчикъ, со мной въ штабъ Дивизіи чтобы ээ... дополнить мой докладъ его превосходительству чѣмъ-нибудь такимъ.. ээ, подробностями.—

— Прошу уволить, г-нъ полковникъ: я усталъ немного послѣ боя. Разрѣшите здѣсь въ штабѣ остаться на обѣдъ?—

— Пожалуйста, дорогой... ээ, пожалуйста... такъ за Оружіе ручаюсь: по тремъ пунктамъ къ статуту подведемъ... ээ, всего хорошаго, всего хорошаго...—

Моловъ вышелъ изъ убѣжища злой и, входя въ землянку штаба думалъ: „Зачѣмъ онъ лебезитъ? Вѣдь не я его начальникъ... Чтобы получить Владимира, готовъ дать мнѣ Оружіе. И вѣдь знаетъ, что мы его одного винимъ въ этой глупой авантурѣ... Мельнеръ никогда не позволялъ себѣ зарабатывать орденовъ на моей шкурѣ... и на шкурахъ Лучкиныхъ; а былъ у начальства не на худшемъ счету, чѣмъ этотъ... Мельнеръ не позволилъ бы штабу дивизіи покупать плѣнныхъ по 20 солдатъ за штуку“...—

Моловъ имѣлъ свои основанія дерзить командиру.

Какъ и большинство младшихъ офицеровъ пѣхоты, онъ критически относился ко всѣмъ планамъ и начинаніямъ штабовъ и штабныхъ офицеровъ. Полковника Цинскаго онъ терпѣть не могъ ужъ за одно то, что тотъ командовалъ полкомъ временно, для полученія ценза на высшую должность; ему было даже досадно, что „гастролеръ“, дѣлая карьеру засчетъ нихъ, подчиненныхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ не жалѣетъ и себя: досадно, что нельзя было обвинить Цинскаго въ трусости, недалекости, или халатности... а все-таки по милости этого Цинскаго онъ потерялъ лучшихъ людей. Правда, эта развѣдка дала безусловно важные результаты, что сознавалъ и Моловъ. И выполненіе ея было блестяще: вѣдь еще за 2 мѣсяца до этого пытались взять Большой Мысъ двумя полками, положили сотни людей и не смогли дойти до окоповъ.

Теперь ничтожная полурота забралась въ сердце укрѣпленія, испортила четыре убѣжища, три пулеметныхъ гнѣзда, наблюдательной пунктъ; обвалила входы въ минную систему, грозившую нашимъ окопамъ; ужъ не считая трофеевъ...—

Молову было, чѣмъ гордиться. Однако, за нимъ были дѣла и почище: шаблонную кличку „герой“ онъ получилъ еще въ 1915-мъ году. Но карьеры онъ не сдѣлалъ, и главнымъ образомъ, изъ-за постоянныхъ неладовъ съ начальствомъ по поводу небрежнаго отношенія къ повседневному службѣ (и рѣзкихъ сужденій о службѣ другихъ). Въ бояхъ онъ предпочиталъ карты—журналу военныхъ дѣйствій, водку—ротному хозяйству, разговоры съ солдатами—строевому

уставу, комфортъ землянки въ резервъ—солидности убѣжищъ въ окопахъ; былъ прекраснымъ товарищемъ и неудобнѣйшимъ подчиненнымъ.

Однако, всегда какъ-то выходило, что въ развѣдку посылали его; на смотру лучшіе сапоги были въ его ротѣ; на позиціи все высшее начальство водилось смотрѣть его участокъ. Въ резервѣ его просили организовать солдатскія игры на полковой праздникъ, его заставляли приглашать гостей, украшать собраніе и читать лекціи на самыя неожиданныя темы.

А 1-го и 20-го каждаго мѣсяца—въ его землянкѣ собирались поиграть въ желѣзку (въ промежуткахъ—въ преферансъ). Вѣчно хмурый Михаилъ—деньщикъ Молова—уже давно взялъ въ систему не убирать чайника съ плиты и держать для вѣчныхъ гостей въ ящикѣ отъ гранатъ цѣлую колониальную лавку, хотя у Молова никогда не было гроша въ карманѣ.

Вообще, Моловъ думалъ, что внѣ боя—его исключительное и неотъемлемое право—располагать собою, какъ заблагоразсудится. И бессонныя ночи резерва—ночи картъ и водки—считать отдыхомъ: „каждый веселится по своему“ . . .

Въ штабѣ полка Молова встрѣтили шумно:

— А, герой! Молодчага... Поздравляемъ...—

— Не съ чѣмъ.—

— Брось глупости. Согласись, что здорово дѣло сдѣлалъ, и хорошее дѣло. Этакую сумасшедшую штуку выкинуть! Полуротой—Большой мысь!..—

— Господа, я хочу ѣсть и не хочу пожимать лавровъ. О Большомъ Мысѣ я уже говорилъ съ шефомъ.—

— И долгонько говорилъ.—

— За это долгое время вы мнѣ и стакана чая не налили... Докторъ, спасибо еще разъ за операцию. Кстати, Вы не выбросили моего осколочка?—

— Нѣтъ. А Вы все еще собираете старое желѣзо. На подсвѣчникъ, кажется? Я думалъ, Вамъ это надобѣсть послѣ четвертаго раненія.—

— Кажется, маѣ это уже налоѣло. Вчерашній осколокъ Лучкина вѣситъ больше моихъ пяти... А гдѣ Лидинскій?—

— Пошелъ въ 3-ій батальонъ, письма отнеси. Скоро придетъ: по телефону передалъ, что будетъ къ обѣду.—

— Надѣюсь, Вы и меня покормите?—

— Еще какъ! Угадай, что привезъ нашъ благодѣтель— Нечего и угадывать: водку и коньякъ, какъ въ прошлый разъ. Только меня это мало интересуетъ. Я люблю пить только по вечерамъ, а сегодня мой вечеръ занятъ. Впрочемъ... Скоро обѣдъ? Я со вчерашняго дня не ѣлъ.—

— Ладно, поголодаешь. Пей чай, обѣда чѣсокъ положи... Нѣтъ, здорово ты все-таки съ Большимъ Мысомъ...—

Лидинскій вопреки обѣщанію „опоздалъ, и обѣдали безъ него; возліяніе отложили до вечера, благо командиръ передалъ, что задержанъ въ дивизиі „ѣлами, на неопредѣленное время:“ это означало, что капитанъ Пильновъ, старшій адъютантъ, пріѣхалъ изъ Москвы тоже не съ пустыми руками, начдивъ отправился къ командиру корпуса „съ личнымъ докладомъ о данныхъ развѣдки 18 августа... Слѣдовательно, свобода на весь вечеръ была обезпечена. Присутствіе пришедшаго часамъ къ 5 вмѣстѣ съ Лидинскимъ командира 3-го батальона подполковника Мечика Кржевскаго (оставшагося за командира полка)—никому не мѣшало, даже наоборотъ: онъ дополнялъ общую картину кутежа, безъ него рѣдко обходящагося.

Реймонъ уже звонилъ въ 3-ью роту и передалъ Павлику, чтобы онъ не ждалъ Молова; а Моловъ покорился этому съ удовольствіемъ: хотѣлось посидѣть въ хорошей землянкѣ, поговорить съ добрыми товарищами, вниманіе которыхъ ему все-таки льстило... и хотѣлось пить водку. „А убитыхъ и безъ меня вынесутъ...“

И Павликъ Тюринъ не могъ сердиться на Молова, который бросилъ на него, тоже усталого и разбитого, роту: въ другихъ случаяхъ Моловъ бралъ на себя его работу и отдавалъ ему свои удовольствія.

Мечикъ сдержанно поздравилъ Молова: „Слава Богу, живъ остался. Ты молодцомъ былъ въ это исторію—съ начала ея и до конца. Не твоя вина, что гастролеръ людей по-

ложилъ... И только твоя злуга въ томъ, что онъ не поспалъ цѣлаго батальона на массовыя потери. А потомъ (не думай только, что я съ нимъ въ одну дудку играю)—надо было и поразмяться: всегда полезно оживить хорошимъ боемъ тину бездѣлья. Жаль, только, Лучкина ухлопали... я его еще по мирному времени зналъ... лѣтъ двѣнадцать... Да, скажи: эта большая насыпь за 2-мъ окопомъ Мыса чѣмъ она оказалась?“

— Какъ ты и думалъ: фальшивая постройка; а сиди нея, шагахъ въ 50, убѣжище, кажется—офицерское... здорово замаскировано.—

— Ну, господа,—приступимъ.—

Налили рюмки и стаканы, сказали нѣсколько теплыхъ словъ, придвинули закуски (колбасу, сардинки и бычки); приступили. Водка оказалась весьма недурной, и оживились, за первой же рюмкой детально обсуждая качество элементовъ кутежа. Потомъ стали пить съ все меньшими и меньшими промежутками, все больше и больше говоря—главнымъ образомъ про Москву. Мечикъ и Лидинскій заспорили: первый, размахивая руками и неразлучной надкой, быстро говорилъ что-то, вродѣ:

— Врешь братъ... и сравнивать не смѣй съ „Яромъ“ какой-то тамъ, большой „Метрополь“... мало ты поплавалъ... и притомъ, вѣдь это—двѣ разныя плоскости; пойми же!—Двѣ разныя плоскости!—Лидинскій, отступивъ каждое слово вилкой, мигая въ тактъ замутившимися уже глазами, медленно и увѣренно повторялъ:

— А я даю честное слово, слышишь?—даю честное слово!.. кажется, ты долженъ мнѣ вѣрить... я даю честное слово, что нигдѣ не могли мнѣ подать Мартеля... ни въ, слышишь?—даже въ этомъ твоёмъ „Метрополь“... и вотъ тебѣ крестъ!..—

Лидинскій убѣжденно перекрестился; потомъ съ грустной улыбочкой проговорилъ: „Впрочемъ, ты католикъ...“ и обиженно замолчалъ.

А Моловъ, саркастически усмѣхаясь, пилъ не переставая, забывъ про имѣвшійся еще коньякъ. Когда же и коньякъ появился, Моловъ всталъ, вышелъ изъ землянки и долго рылся въ мусорѣ близъ входа. Потомъ, довольно хихикая, вошелъ опять въ землянку и съ таинственнымъ видомъ началъ очищать грязную соломинку: разрывалъ ее пополамъ; передалъ одинъ кусочекъ Реймону и сказала расстроганно, „На, братъ... поминишь?..“

Реймонъ пожалъ ему руку и ласково смотрѣвъ въ глаза, покачалъ задумчиво головой: „Да, спасибо Вамъ... и тебя я понимаю...“ Затѣмъ начали тянуть коньякъ черезъ соломинку, убѣжденные, что такъ вкуснѣе; и старались не отставать отъ пившихъ прямо изъ стакановъ.

...Характернымъ свойствомъ Мечика было: напиваться въ одинъ вечеръ два раза, и становиться черезъ часъ опять трезвымъ: впился, старшій (о своей раненой ногѣ, свѣжшейся съ палкой, самъ говорилъ: „порожена, знаете, подагрой“). Задремавъ, было, къ концу спора съ Лидинскимъ, за кофе вдругъ встряхнулся и началъ скрипучимъ теноромъ вторить старшій пѣснѣ. Когда кончили, вынулъ, что было въ стаканѣ, и повторилъ послѣдній куплетъ соло; и опять выпилъ.

А Моловъ продолжалъ тянуть коньякъ черезъ соломинку.

...Поздно ночью прыгала, пестукивая и повизгивая на испорченной осенью дорогѣ, старая-добрая коляска командира полка, тяжело нагруженная тѣломъ „утомившагося“ Юнитера. Юнитеръ сладко спалъ и грезилъ о новыхъ триумфахъ.

Въ это же время по тропинкѣ къ 1-му батальону медленно подвигалась мрачная процессія; впереди шель солдатъ связи, увѣренно шлепавшій по лужамъ и ямамъ, и тизонько ворчавшій на медленность движенія. За нимъ двигались Реймонъ и Тишка Стѣпановъ (начальникъ связи), вышедшіе „подышать чистымъ воздухомъ“ и проводить Молова. Между ними, поддерживаемый съ двухъ сторонъ, слегка пошатываясь, шель Моловъ и все время молчалъ. Позади всѣхъ, чуть поодаль, освѣщая себѣ дорогу фонаремъ, и все же спотыкаясь, плелся гнѣвный болѣе обаянаго Михаилъ—деньщикъ Молова. Въ рукахъ его была фуражка Молова и левая сумка (которая, какъ потомъ разобрали, принадлежала не Молову, а Мечику).

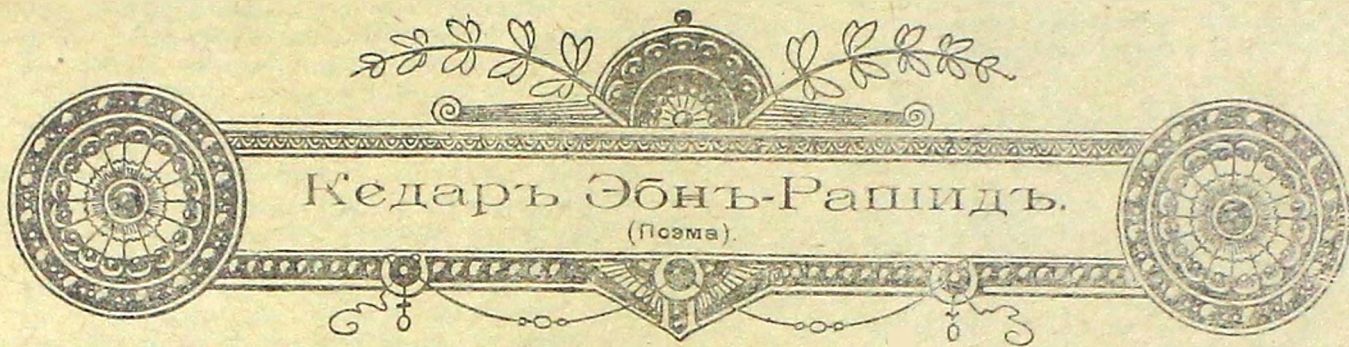
Той же ночью рядовой Мальчукъ, лежа въ секретѣ противъ Большого Мыса, слушалъ обрывки нагло величественной пѣсни, доносившея вѣтромъ. Это пѣли нѣмецкіе офицеры въ убѣжищѣ—дворцѣ батальоннаго командира. У него были гости: начальникъ штаба дивизіи и командиръ полка, прѣхавшіе для выясненія обстановки боя. Молодой майоръ, слегка волнуясь, умалчивая скромно о личныхъ заслугахъ, подробно доложилъ о ходѣ боя, фантастически разбивъ его на четыре періода: 1) отбитіе атаки одного батальона русскихъ, 2) бой съ двумя батальонами, разомъ атаковавшими Большой Мысъ и круглый окопъ, 3) контръ—атака противника 1-ой ландверной и 3-ей линейной ротами, 4) преслѣдованіе русскихъ. Получивъ благодарность и обѣщаніе Желѣзнаго креста, майоръ пригласилъ гостей къ столу и приказалъ подать шампанское.

Стоя пили за здоровье Его Величества, Императора, потомъ зашли „Вахтъ амъ Рейнъ“.

...Темной ночью брели, избиваясь по окопамъ, часто останавливаясь, чтобы передохнуть и разобратъся въ сутолкъ разбѣгающихся во все стороны канавъ,—брели шесть человекъ. Впереди шелъ ротный развѣдчикъ—связь командира 3-ей роты, за нимъ двѣ пары солдатъ несли двое носилокъ, сзади—подпоручикъ Тюринъ.

А на носилкахъ лежали еще два человекъ; два тѣла....—

Ал. Сокольскій.

(Окончаніе.)

XI

Конечно, полною хозяйкой
Земруда у себя была
И въ домѣ царствовать могла;
Но только комната одна,
Съ какой-то связанная тайной,
Существовала, и случайно
Ее замѣтила она.
Туда Кедаръ, она видала,
Ходилъ украдкой иногда
И запиралъ ее всегда
Ключомъ на поясѣ носимымъ
И больше жизни имъ хранимымъ
Какой же кладъ необычайный
Непроницаемою тайной
Онъ такъ ревниво окружалъ,
Что даже ей не пожелалъ
Открыть священнаго секрета?
И смутно чувствовалось ей,
Что въ этой комнатѣ запретной
Лежитъ разгадка прежнихъ дней
Ея владыки Эбнъ-Рашида.
Земруда наконецъ рѣшила,
Что эту темную тоску,
Что у Кедара сердце гложеть,
Ей комната раскрыть поможетъ,
И вотъ, однажды, ночью лунной
У спящаго Кедара ключъ
Она взяла, и лунный лучъ
Ей освѣтилъ замокъ чугунный.
Земруда двери отперла
И тихо въ комнату вошла.
Жемчужно-блѣдный лунный свѣтъ
Высокихъ оконъ рядъ вливалъ
На полированный паркетъ
И озярялъ обширный залъ,
Тонувшій въ лунномъ полусвѣтѣ,
Почти пустынный, какъ въ мечети.
И лишь у дальняго конца
Высокія горѣли свѣчи...
И освѣщали ихъ странный свѣтъ
Какой то призрачный предметъ.
Земруда тихими шагами

Идетъ, дыханье затая,
И слышитъ, нѣжными духами
Вся комната напоена.
Но вотъ она остановилась
И, подавивъ невольный крикъ,
Смущенный опускаетъ ликъ.
Жестокой болью исказилось
Ея лицо, и вновь она,
Тоскѣ и смертельною полна,
Глаза большіе поднимаетъ—
И все мгновенно понимаетъ.
Предъ ней стоитъ большой портретъ,
Но это не икона, нѣтъ:—
То образъ дѣвы златокудрой,
И какъ живой передъ Земрудой,
Въ мерцаньи восковыхъ свѣчей,
Онъ насмѣхается надъ ней!
Два глаза соколиныхъ ясныхъ,
Глядящихъ зорко съ полотна,
И очерганья губъ прекрасныхъ,
Въ которыхъ тонкая видна
Чуть уловимая улыбка,
И станъ плѣнительный и гибкій:
Все то Земрудѣ говоритъ,
О чемъ Кедаръ ее молчитъ,
И отчего такъ часто онъ
Скрывать не въ силахъ тяжкій стонъ!
Пока среди пустаго зала
Земруда бѣдная стояла,
Въ молчаньи чуткой тишины,
Тамъ—въ глубинѣ ея души,
Навѣки что-то умирало,
И гасъ, и меркъ небесный свѣтъ,—
И, вотъ, ужъ жизни въ сердцѣ нѣтъ!..
Она изъ комнаты идетъ,
Изъ дому милаго выходитъ,
И все идетъ впередъ, впередъ—
Куда тоска ее ведетъ,
Ужъ ничего не замѣчая;
И странно взоръ ея блуждаетъ.
Остался городъ позади,
Она бредетъ среди пустыни.
Луна погасла. Съ высоты
Лишь звѣзды свѣтятъ въ безднѣ синей;

Она идет походкой легкой
 При свѣтѣ звѣздъ, между камней.
 Къ кому-то руки простирая...
 И вѣтерокъ ночныхъ полей
 Ея одеждою играетъ.

XII

Въ глухомъ смятеннѣ цѣлый домъ;
 Одинъ Кедаръ спокоенъ мраченъ
 И страшенъ каменнымъ лицомъ.
 Жестокій счетъ судьбы оплаченъ
 И Рокомъ Дафи отомщенъ!
 Такъ горестно подумалъ онъ,
 Когда средь раскаленной груди
 Пустыни сумрачной камней
 Нашелъ отрядъ его людей
 Холодный блѣдный трупъ Земруды.
 „Ну что-же дѣлать, старый другъ.—
 Сказалъ Кедаръ затѣмъ Алуль—
 Мы здѣсь довольно отдохнули,
 Пора укладываться въ пугъ!“
 И на кладбищѣ городскомъ
 Своей подруги тѣло нѣжной,
 Къ востоку обративъ лицомъ,
 Похоронилъ Кедаръ мятежный
 Какъ погребать велѣлъ Коранъ.
 И снова длинный караванъ,
 Поднявшись тихо на разсвѣтѣ,
 Навѣкъ покинулъ страны эти,
 На западъ путь направивъ свой;
 И скоро скрылся за горой.
 Ахъ, безъ конца душа Кедара
 Страдала молча тяжело,
 Подъ гнетомъ новаго удара
 Принявъ скитальное весло!
 И снова въ путь, какъ вѣчный Жидъ,
 Кедаръ измученный спѣшитъ.

Туманный полдень надъ водою,
 Надъ шумной пристанью дрожить.
 Кедаръ—Мюбарекъ—Эбнъ—Рашидъ,
 Облокотясь о бортъ рукою
 Стоить, не въ силахъ скрыть печаль,
 И грустно въ призрачную даль
 Глядитъ, толпы не замѣчая,
 Толпы, что ждуть давно, скучая,
 Взглянуть, какъ бѣлый пароходъ
 Уйдетъ въ просторъ широкихъ водъ.
 Но, наконецъ, гудокъ прощальный
 Пославъ сирийскимъ берегамъ,
 Корабль отчалилъ. Шумъ и гамъ
 Внезапно смолкли. И печальной
 Овѣянь берегъ тишиной.
 Волна иорская за волной
 Лишь камни лижетъ въ гавнѣ яромъ.
 А между тѣмъ, корабль Кедара
 Уноситъ вдаль; едва-едва
 Его замѣтенъ хайкъ бѣлый.
 И вотъ надъ бездною опустѣлой
 Лишь только небо да вода.
 Корабль ушелъ. И съ нимъ навѣкъ
 Покинулъ странный человекъ
 Земли чарующей предѣлы,
 Гдѣ онъ вступить пытался въ бой
 Съ своей враждебною судьбой
 И гдѣ онъ битву проигралъ,
 И гдѣ любилъ и гдѣ сгралъ,—
 И, наконецъ, сказавъ прости
 Мечтамъ и пламеннымъ желаньямъ,
 Былъ обреченъ свой крестъ нести
 Къ инымъ созвѣзьямъ и скитаньямъ.

Г. Сазоновъ.

Арестантъ.

Разсказъ.

Пришлось мнѣ какъ-то сопровождать въ товариществѣ съ двумя послушными инструментами трюмъ, обжавшихъ изъ тюрьмы: подростка и двухъ взрослыхъ. На улицѣ было темно, морозно и вѣтрено. Прохожихъ было мало, кой-гдѣ вынырнетъ фигура, мелькнетъ и тутъ же скроется, растаетъ. Хотѣлось свѣта, тепла... уюта... ласки...

Я пристально близорукими глазами вглядывался въ мутную даль, тревожно слѣдилъ за арестантами и думалъ: гдѣ эта чудная, далекая страна, о которой мнѣ повѣствовали въ прекрасную, такъ же далекую, какъ и близкую пору дѣтства, ту пору, когда умѣешь горячо молиться, искренне восторгаться и вѣрять? Вѣрять въ страну, гдѣ тьма страданій и горя, разбѣяны благодатными лучами солнца правды, гдѣ люди—братья живутъ у безбрежнаго моря счастья... Неужели это хитралъ ложь и нѣтъ такой свѣтлой земли? Неужели это совъ? вѣдъ бываютъ сны иногда такъ ярки, такъ выразительны, что нельзя имъ не вѣрять... Неужели эта сказка красивая, красочная, затерянная въ долгомъ нильномъ пути жизни?!

Когда былъ ребенкомъ, я глубоко вѣрилъ въ эту сказку и, захваченный широкой и радужной волной, мечталъ о счастьѣ родины, о счастьи человечества... Мечталъ—указавъ ему дорогу жизни, вобгающую безконечно-извивающейся лентой въ розово-золотистыя дали.

А теперь... приходится сопровождать арестантовъ! Въ каждомъ изъ нихъ было пламя добра и честности, каждый трудился, надвигая и все чего то ждалъ и къ чему то стремился. Въ каждомъ изъ нихъ рождалась потребность сарваться съ пути бытаго и пыльного, которымъ идутъ тысячи... Уничтожить холодъ и ужасъ, навѣваемые вѣтъ, вычеркнуть зависть, нпзость чувствъ и развратъ воображенія... Съ какою изумительною быстротою и какъ безпрятственно совершается процессъ превращенія...! Кто повертываетъ скрученное колесо жизни? кому нужны страданія и слезы? кто заливааетъ огонь человечности?

— Что же, баринъ, съ нами будутъ дѣлать?—спросилъ меня тревожнымъ надтреснутымъ голозомъ одинъ изъ арестантовъ, одѣтый въ рваную, сѣрую куртку и неопредѣленнаго цвѣта грязную кепку, изъ подъ которой видѣлись были только олянь сухой носъ, спускающіеся ото дба, почти въ прямомъ направленіи къ низу. Я взглянулъ на его жалкую фигуру, изнуренное блѣдное лицо, съ впалыми сѣрыми глазами, на губы тонкія, блѣдныя, окаймленные подстриженной щеткой усомъ, остановился въ грустномъ недоумѣніи надъ отвѣтомъ.

Что же сдѣлать придется больше, или, можетъ быть... отпустить, —добавилъ онъ съ неуверенностью. Нельзя ли, баринъ поскорѣе отпустить бы... Мать приходила изъ дома больно жалится:—эхъ, говоритъ, сынушка, хоть поскорѣе бы выпустили бы отселева на бѣлый свѣтъ, все бы молъ, дома спорѣе было... Часто кругомъ стало,—сухой корки хавба не сыщешь. И хозяйство пообрушилось: избенка сиротой стоитъ. Жуть беретъ... Тоска душитъ.

Наука. На соборѣ мѣрно пробило десять. Мѣдныя звуки тогули въ бѣшеныхъ, широкихъ волнахъ мрачнаго и торжественнаго гимна вѣтра. Онъ иногда прыгалъ черезъ невидимыя ухабы и, рождая могучій порывъ, разнѣвалъ бѣлыми косы старухи зимы, свистѣлъ по темнымъ узламъ переулкамъ, съ рокотомъ билъ въ окна, ворота, крыши, разсыпалъ жесткій снѣгъ крупными пригоршнями, гулъ голыя

обломанные уродливые деревья; разбѣгались по улицамъ, гдѣ лежала тьма морозной ночи и стремительно убігалъ въ мутную даль... А тяжелыя мрачныя тучи спускались все ниже и ниже рѣшавшись, кажется, придавить собой вѣтеръ и петомленнаго, обливающагося потомъ и кровью человѣка... Пали на дорогу пятна луницъ лучей, посверкали съ минуту и исчезли, поглощенныя тьмой. Последний звукъ мѣди, долго трепеталъ во тьмѣ. Онъ напоминалъ о суетѣ человеческой жизни, въ ледовитыхъ объятіяхъ разврата и пѣмой скуки, напоминалъ о высокомъ, чистомъ небѣ и звалъ къ нему съ печальнымъ упрекомъ...

Стали спускаться подъ желѣзно-дорожный мостъ, который замеръ съ широко-раскрытою, густо-темною пастью.

-- Вотъ здѣсь, — произнесъ онъ, грустно указывая на конецъ грязныхъ, обледенѣлыхъ тротуаровъ съ желѣзными перилами, — меня поймали. Ровно за кварталъ отъ дома... Думалъ повдаться съ матерью старухой, да съ дочкой Лизой... Три года ей исполнится въ апрѣлѣ, а вотъ не пришлось... Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ — пословица права. Да вотъ кто гадалъ, што хотя царя не будетъ, што...

Конецъ фразы былъ унесенъ порывомъ вѣтра, который рвалъ одежду на насъ, мелъ на пути и съ нервнымъ беспокойствомъ обдавалъ съ ногъ до головы снѣжной пылью. Отчаянному реву вѣтра, гдѣ-то вторилъ дикій плачь и глухой ропотъ. Свободолюбивый вихрь бился и рвался какъ собака на цѣпи, въ узкихъ улицахъ и темныхъ закоулкахъ города.

— А, много тебѣ осталось сидѣть-то? — спросилъ сплюснутый патруль съ надвинутой на глаза сѣрой папашой. Его круглое, красное лицо, безусое съ большимъ ртомъ — напипало луно...

— Мѣсяць, девять, восемь... много, эхъ, много! По семьѣ сталъ особливо скучать. Раньше мать каждые пріемные дни приходила, которые ждалъ я, какъ весны мужикъ... Простудилась, стоя въ антихристовыхъ хвостахъ и заболѣла надо-ть пологать... Отъ болѣзни никто не оговоренъ, какъ кобель отъ блохъ...

Онъ закашлялся и на время остановился. Въ сторонѣ что-то за чернѣло... я направился туда. Приближаясь, увидѣлъ человѣка, который то пытался слиться съ темнотой и исчезнуть, то останавливался, поджидая и прислушиваясь къ словамъ нашего разговора. Мѣстный житель, занимающійся подневной работой — промелькнуло у меня въ головѣ...

— А, за што ты, землякъ, попалъ то? — допытывался курносый патруль, страдавшій невзлечимымъ любопытствомъ.

— Ахъ, товарищъ, — тяжело вздохнулъ онъ — такое случилось, што хуже и быть не вѣзья... И не пьяница который спускаетъ все до послѣдняго чернаго гроша и не воръ, жажущій чужого добра, — былъ, и вотъ сдѣлалъ же такое дѣло... ну, да видно ужъ воля Бога... Безъ выпивки — не свадьба. Изъ пѣсни слова не выкинешь...

— Была на селѣ у насъ веселая бѣлая крѣпильная дѣвка, — Мотей звали. Только и пришла ова мѣ по нраву, по сердцу... Бывало, какъ завидишь ее, такъ и ноги стынутъ, и нутро сосетъ, и въ глазахъ свѣтлѣй становится. Вечера сидѣлъ поджидаячи у окошка пазы... Эхъ да што тамъ! Какъ вспомнишь такъ и солнце красное не мило...

...Свидѣлся съ нею на-перво у окошкы. Весна была, бѣжали ручьи съ горъ, солнышко грѣло, трава зеленѣла... Люблю я это времячко и самъ радуешься и природа улыбается.

— Здравствуй — говорю — Мотя!

— Здравствуй! А сама барскы смѣется и на меня глазами косить.

— Што же ты смѣешься? — спрашиваю я.

— Ишь строгій какой — и смѣяться-то нельзя!

Сѣла она и молчить: съѣлъ и я тутъ же возлѣ... Молчу, даже слово вымолвить не могу и дрожу... Зубы частую дробь выбиваютъ... Въ головѣ туманъ... Дыханье сперло...

-- Полюби меня, — едва выговорилъ я, — горько мнѣ, Мотя, на свѣтъ-то вольномъ! полюби, голубка!

А, она — што вы подумали, баринъ? Легла у меня на грудь головкой, а головка легенькая, какъ пушпика, вѣжненькая, — глаза закрыла и улыбается!... Все я здѣсь забылъ... Не было ни земли ни неба голубого, ни деревень, ни кзбушекъ, все куда то, поппмаете ли, скрылось; должно быть растаяло у меня въ глазахъ тогда, были только я и Мотя, Мотя и я...

Онъ глубоко вздохнулъ и нѣсколько минутъ шелъ молча, опустивъ низко голову.

— Осенью то сыграли свадьбу. Бабенка она оказалась смрпная, работающая, хоть куда. Три года жили мирно и согласно. Дѣтей — только Лиза одна... Домъ поправилъ, лошадку съ буренкой купилъ, хозяйствомъ обзавелся, поппйка появилася. Какъ волъ ворочалъ все съ утра до вечера, усталости не чувствовалъ, день меньше сталъ для меня и работать радостно было... Легко весело... Какъ во снѣ жилъ!.. Да!

...Вдругъ ни съ того, ни съ сего, стала Мотя похварывать. То сегодня полежить, то завтра мочи вѣтъ. И на — воду наговаривали и порошокъ изъ какого то корня сынали въ пищу, и къ святымъ мѣстамъ сходить обѣщаніе давалъ, и образа изъ церкви приносили, два раза поповъ на домъ зазывали служить — вѣтъ, ништо не помогло...

— Умерла — произнесъ онъ упавшимъ голосомъ.

Мы все молчали.

Вдали рисовался силуэтъ тюрьмы. Каменный мѣшокъ, куда людьми, какъ за бортъ, выброшены люди. Однихъ, какъ обличителей настоящей жизни и пророковъ новой, далекой отъ прозябанія; другихъ, какъ плоды, пугающіе своею безобразностью, роняющіе и обезцѣвнвающіе ее.

Тюрьма — зеркало современной жизни: въ ней спокойно и равнодушно, холодно и безстрастно отражаются все событія. Здѣсь легенды, которыя, какъ одежды прикрываютъ нагую реальность, не выдаются за факты, не украшаются, не обѣляется то, что само черно и не чернится то, что этого не заслуживаетъ; здѣсь вѣтъ мѣста никакой идеализаціи и превышенія въ пониманіи дѣйствительности, вѣтъ пополезновенія на какіе либо апологін и желанія порицанія или хваленія.

Тюрьма — истина современной жизни. Ея истинность, невѣдущая ни жалости, ни гнѣва, твердо основана на фактахъ и переплетена съ логикой. Здѣсь дается частое понятіе безъ наставленій или поученій того, что есть и какъ оно есть.

Тюрьма — совѣщеніе адвоката и прокурора.

— Она въ морѣ жизни совершенно одинока и обособлена отъ окружающаго, и пребываніе въ ней рождаетъ остро до боли нѣмое чувство одиночества. Оно невозможно давить душу и превращается въ мучительную болѣзнь — тоску. Въ ней сутки — туманная масса, теряющая свое измѣреніе. Здѣсь царство грусти человѣка по оторваннымъ отъ него близкимъ мѣстамъ, по яркому, горячему солнцу, чистому бодрящему воздуху, голубому бархату со звѣздами неба, близкихъ...

Метель не увималась; съ крышъ валилъ снѣгъ и крутился на улицахъ. Кой-гдѣ мелькали, какъ волчьи глаза, огни; время отъ времени пробѣгали порошкіе санки извозчиковъ и слышался гдѣ-то далеко, словно подъ землей, лай неутомныхъ собакъ.

— Сталъ я тогда съ тоски-то хмѣлемъ услаиваться; понималъ я, конечно, хорошо, што на мое это дѣло и не христіанское, да удержаться никакъ не могъ: такъ и тянетъ, и тянетъ въ этотъ развратъ, словно со стога сѣна катывшяся. Казенка-то по военному времени закрыта была — ни водки, ни пива достать нельзя было. Ну, я больше мазь, да чертовъ натуратъ лопалъ; какъ хватяшь цару стакановъ, ну, въ глазахъ то и свѣтъ и тьма, изъ гортани адомъ вышетъ, въ головѣ-то кривда, да обманъ, а нутро госка нуще прежняго сосеть... Камнемъ тяжелымъ легла, жерновомъ сѣрымъ.

— А, тутъ и товарищи появились грязные, пьяные и развратные. Одинъ въ наймахъ кучеромъ былъ въ городѣ у барыни. Федька-ножицы прозывался. Рыжий, съ краснымъ рубцомъ во всю щеку и длинный. Ходилъ всегда въ желтой поддевки. Когда спалъ на ржавленные подицы походилъ и храпѣлъ, понимаете ли, какъ вода въ котлѣ.

— Вотъ и удумалъ олъ, што, дескать, старуха-хозяйка то его съ курной душой, капиталами большими владѣтъ, кабы эти деньги намъ — добра то сколько натворили бы. Котелокъ у него хороше работалъ. Говорилъ, какъ кашу съ масломъ ѣлъ.

— Время-то было осеннее, темное и дождливое. Шабанули мы съ нимъ у меня на дому. Цвѣтъ овъ мастеръ былъ, — другой отъ воды бы пьянъ былъ, лонъ — ни въ чемъ... Бывало спросишь его, почему, Федька, ты здоровый такой? А онъ: — въ кабацѣ родилъ!

...Ввалился къ ней черезъ окно кухни, да и сталъ шарить, какъ собака голодная — кость, а барыня то проспится... Ну, а мы — мигъ, понимаете ли, въ комнату. Розовая, теплая и маленькая, какъ коробка изъ подъ спичекъ. Кучеръ то ея возьми и намахнулся телоромъ.

А она стоитъ въ углу, дрожитъ, какъ жердь и на икону смотреть. Шепчетъ што-то, крестится широко быстро... О чемъ молвила? о смерти, о прощеніи грѣховъ, о дѣтахъ, о себѣ — не знаю, только жалость на меня нашла, когда увидѣлъ слезу... Маленькая, свѣтлая, дрожащая, какъ у Моти, когда умерала... Опосля нигдѣ такой слезы не видалъ... Вѣрно у святыхъ и добрыхъ людей они бывають... не старуху я пожалѣлъ тогда, а слезу, да, чистую слезу...

Не тронь ее — кричу кучеру — не надо... зачѣмъ?..

— Дальше и не помню, што было, — потѣмнѣло у меня въ глазахъ, точно большой шапкой, понимаете-ли, — наермили, и кровь къ головѣ прилилась и хмель вышибло...

— Убилъ старуху, подлепъ, и мнѣ ни гроша не далъ...

— Два дня, какъ не свой ходилъ...

— Чужимъ казался себѣ... Въ головѣ точно вѣтеръ крутится, снугалось все, свалось въ какойто шаръ колючій и мозгъ колеть; въ ухахъ шепотъ старухи и свистъ вѣтра; што-то выпало у меня изъ нутра и пустота страшная и холодная образовалась тамъ... Шатаюсь весь день вплоть до вечера безъ смысла изъ улицы въ улицу, слоняюсь по двору, по дому безъ желаній и... ништо не замѣчаю; пицу чѣмъ заполнить девъ и эту пустоту и не нахожу... Все изъ рукъ валится не то што-бы тяжело, а такъ!..

— А, кто-то шепчетъ; зачѣмъ обманываешь... ты знаешь, — такъ и найди потерянное.

— Черно внутри... сѣро зъ глазахъ... найти потерянное — шепчу я — что же это... Холодный ужасъ дрожью по спинѣ бѣгаетъ, понимаете-ли, а въ душѣ... Нѣтъ, кажется тогда и души не было!.. Былъ только скелетъ съ кожей и пустотой... Лоханью безъ дна я былъ тогда — попытался было занять, — не вышло... Шлю, пью и не пьянѣю, какъ Федька поживцы! Все, какъ чрезъ трубу бакую то, выливается.

— Въ церковь кинулся молиться — молюсь, а чувствую, што вращусь безъ желанія, а по превычѣ, чувствую, пони-

маети-ли, свою недостойность и благости Бога... Слова я мысли мѣнялись... и раздвинули пустоту... А, голосъ шепчетъ: обманываешь себя, Бога... покаяйся. Передъ кѣмъ покаяться, думаю, дайте чистое... Все грѣшно, грязно... Дайте святое!.. Гдѣ оно? Гдѣ?..

— Обманываешь Мотю...

— Потъ холодный выступилъ и ноги подкосились, какъ елочка подрубенная, когда услышалъ — Мотю обманываешь!.. Я? обманываю Мотю?! Завертѣлось у меня въ глазахъ, точно гризъ на колесѣ и, понимаете-ли почувствовалъ я тогда, што немного осталось, когда я буду оставленъ всемъ христіанскимъ міромъ, когда никто не подастъ помощь Божью, а плакать не могу... Господи, Мотя, што же это такое! Мотя больно мнѣ... пожалѣй... прости...

— Хотѣлъ руки на себя наложить, да вспомнилъ Лизу, мать-старуху... Не выдержалъ я и на третій день объявился...

— Богъ свидѣтель, баринъ, не чуялъ я въ ту пору и самъ што творю; не знаю и теперь...

На послѣднихъ словахъ голосъ его дрогнулъ и онъ закашлялся.

— Виноватъ, што грѣха то таить, виноватъ... Его винить не надо. А, если по совѣсти-то помыслить, такъ вѣдь, баринъ, я не въ своемъ разумѣ былъ; отъ того што, будь я въ своемъ разумѣ, зачѣмъ бы мнѣ такое дѣло-то страшное совершать? Зачѣмъ руки мартать... Виноватъ передъ Богомъ, передъ людьми, передъ слезой... Страхъ погубилъ...

— Виноватъ! — прибавилъ онъ внезапно упавшимъ голосомъ. Иже опустилъ голову, повелъ плечами, согнулся и ужъ больше не произнесъ ни слова.

Скоро мы были въ корридорѣ тюрьмы съ тяжелымъ удушливымъ запахомъ; господинъ въ форменномъ пальто, съ румянымъ лицомъ, украшеннымъ окладистой бородою и маленькими веселыми глазами, выстраивалъ и дѣлалъ переключку заключенныхъ. На лицѣ его бѣгала улыбка. Глаза искрились огонькомъ удовольствія. Онъ всей своей фигурой и движеніями говорилъ, что на него возложены чрезвычайныя полномочія, исполнение ихъ — священный обрядъ.

Гулло отдавался шагъ.

Колебалось скудное, влажное пламя лампы.

Дрожали уродливыя тѣни на сѣрыхъ стѣнахъ.

Позвякивала засова, ключа.

Кто то грустно — красивымъ теноромъ затянулъ нѣсню.

..Отворилъ я окно — стало грустно невмочь, —

Опустился предъ нимъ на колѣни.

И въ лицо мнѣ пахнула весенняя ночь

Благовоннымъ дыханьемъ сирени...

и оборвалъ. Высокая нота красиво зазвенѣла въ тиши корридоровъ, взлетая къ высотѣ легко и свободно, мягко, но сильно коснувшись стѣнокъ оконъ, они чуть слышно дрогнули, — покружилась, какъ птица, вверху и растаяла, смолкла...

Слышно было, какъ монотонно падала капля съ потолка...

Прощаясь съ арестантомъ, я отдалъ всю мелочь своего кошелька. Курносый патруль, слѣдуя мнѣ, угловато развернулъ аккуратно — сложенный съ красными разводами, свѣтлый платокъ, развязалъ медленно узелокъ и передалъ ему нѣсколько копѣекъ.

— Возьми. Самъ то я на позицію... Мнѣ не надо-тъ — конфузясъ извиняюще прошепелявилъ онъ.

Арестантъ поклонился намъ низехонько, улыбнулся и задрожалъ... крупная слеза катилась по его смуглой щекѣ.

Михаилъ Максимовъ.

Редакторы: { Н. И. Баженовъ.
Г. З. Сокольскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

— НА —

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„Эстетика“

Въ смыслъ выраженія партійныхъ интересовъ журналъ вполне аполитиченъ, но будетъ удѣлять исключительное вниманіе самому свѣжему, высокому и свободному проявленію человѣческаго
духа.

Сотрудники: Е. Баушкинъ, Б. В. Анскій, В. Волжинъ, А. Горшковъ, Б. Карельскій, М. Максимовъ, В. Розановъ, Г. Сазоновъ, Ал. Сокольскій, П. Страдалецъ, Ф. Съверякъ, Г. Тихоновъ, и другія мѣстные интеллигентныя силы.

Журналъ редактируютъ: *Н. Н. Баженовъ.*
А. В. Сокольскій.

Условія подписки: на 1 мѣс — 3 р. 50 к., 2 мѣс. — 7 р., 3 мѣс. — 11 р.
на полгода — 20 руб.

Съ подпиской просить обращаться по адресу: Панза. Троицкая ул. д. № 60 кв. 7 къ З. А. Сокольскому.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ
и выйдетъ въ ближайшемъ будущемъ

2-й номеръ

„Художественныхъ Миниатюръ“.

Приглашаются лица

для разноски журнала
„ЭСТЕТИКА“

Условія скидки: безработнымъ и увѣчнымъ — 25%, съ продажной цѣны, разносчикамъ — 20%, съ продажной цѣны.

Обращаться по адресу: Троицкая ул. д. № 60, кв. 7.